

Славяноведение, № 5

 В. М. МОЙСИЕНКО

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ "РУСЬКОЙ МОВЫ" ВО ВРЕМЕНА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Путаница в названиях официального языка Великого княжества Литовского (ВКЛ) появляется вскоре после возникновения самого термина "руська мова". На изданном в Москве в XVII в. переводе книги украинского писателя Иоаникия Галятовского "Небо новоє" (1665) написано, что она переведена с белорусского языка. Точно так же назван язык произведения известного украинского церковно-религиозного деятеля, печатника, писателя К. Транквилиона-Ставровецкого "Зерцало богословіи", изданного в Почаеве в 1618 г.: перевод "съ бѣлоросійскаго языка на чистый словенскій діалектъ" (1692). В России именно "белорусским" называли этот язык до середины XIX в. Митрополит Е. Болховитинов утверждал, что "бѣлорускій языкъ книжной перешелъ в Кіевъ, для книгъ же" [1. С. 176–177]; автор статьи "Бѣлоруссы" в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона также утверждает, что "на бѣлорусскомъ нарѣчіи писались литовскіе акты, грамоты и всѣ публичные акты до временъ Стефана Баторія. Такимъ образомъ этотъ языкъ является официальнымъ съ XIV и почти до XVII столѣтія" [2. С. 232–233]. В том же словаре в статье "Литовско-Русское государство" отмечается, что там "официальним языкомъ былъ русский" [3. С. 286]. Так же назван официальный язык ВКЛ и в советских энциклопедических изданиях [4. С. 52]. "Литовско-руським" называли его И. Сахаров, И. Каратаев (см. [5. С. 254]). В историографии и филологической литературе XIX в. в научный оборот вводится (преимущественно российскими учеными) термин "западнорусский язык" [6. С. 182]. Позже в значительной степени благодаря научной деятельности Е. Карского фактически произошло отождествление понятий "западнорусский язык" и "старобелорусский язык".

В европейской научной традиции термин "руська мова" трактовался по-разному. Теодор Библиандер (1504–1564) под "руськой мовой" понимал украинский и белорусский языки одновременно; Петр Статориус (1530–1569) наряду с польским литературным языком выделял диалекты: мазовецкий, руський (украинский) и литовский (белорусский); А. Богорич (1520–1598) в своей грамматике среди славянских языков упоминает московский и руський; Й. Л. Фриш (1666–1743) в книге, посвященной кириллице и московскому языку, упоминает

Мойсиенко Виктор Михайлович – д-р филол. наук, профессор Житомирского государственного университета им. И. Франко.

лишь белорусский, называя киевский катехизис 1645 г. "книгой, написанной на белорусском диалекте" (см. [7. С. 57–60]).

Проблема разграничения украинских и белорусских памятников XV–XVI вв. и определения статуса языка, на котором они написаны, является одной из самых сложных в славистике и уже имеет свою историю [1. С. 253–263; 8–14]. Разумеется, больше всего она "беспокоит" белорусских и украинских ученых. Памятники, написанные на территории Белоруссии, а вместе с тем и их язык, белорусские исследователи однозначно считают белорусскими. В историю белорусского языка включаются не только произведения, язык которых лишь с натяжкой можно считать старобелорусским, как Четья 1489 г. [15. С. 84], но и работы, созданные украинскими учеными: "Лексис" и "Грамматику" Л. Зизания, "Лексикон" П. Берынды, "Грамматику" М. Смотрицкого [15. С. 227]. Более того, иногда белорусские специалисты сами нарушают "территориальный принцип" отбора и относят к белорусским явно не белорусские памятники, созданные далеко от Белоруссии, в частности "Грамматику" И. Ужевича, написанную в Париже (манускрипты 1643, 1645 гг.), или "Букварь" И. Федорова, напечатанный во Львове в 1574 г. [16]. Последовательно старобелорусским называет язык памятников с белорусских территорий, входивших в ВКЛ, В. Свежинский [14. Т. II. С. 132–163]. Украинские же ученые (лингвисты, историки) в большинстве своем более корректно оценивают языковую ситуацию, сложившуюся на землях ВКЛ, называя этот язык украинско-белорусским [17; 18], западнорусским с двумя вариантами: украинским и белорусским [12. С. 10]. Пожалуй, только И. Огиенко официальный язык ВКЛ называл украинским [19. С. 98].

В данной проблеме существуют свои объективные трудности. Общей была историческая судьба украинцев и белорусов, живших в составе одних и тех же государственных образований: X–XIII вв. – в Киевской Руси, в XIV – середине XVI вв. – в составе ВКЛ (исключая Галицию, Буковину, Подкарпатье), со второй половины XVI до конца XVIII в. – в составе Речи Посполитой (далее – РП). Оба народа унаследовали письменную традицию Киевской Руси. Все это не могло не отразиться в дальнейшем и на формировании отдельных языков – украинского и белорусского как таковых, и на характере текстов, написанных представителями указанных народов. Во время вхождения в состав ВКЛ и РП эти тексты нередко в плане графическом и языковом практически не различались, хотя, разумеется, писари, например, из Полоцка и Каменца-Подольского читали один и тот же текст по-разному.

Субъективные трудности состоят в том, что каждый исследователь, представитель того или иного этноса, сталкиваясь с данной проблемой, стремился посвоему трактовать каждый отдельно взятый памятник, акцентируя внимание на чертах, присущих той или иной языковой системе: белорус – на белорусских, украинец – на украинских.

Скорого разрешения этой проблемы не предвидится, особенно в контексте становления отдельных государств – Украины и Белоруссии. На сегодняшний день общепризнано:

– в ВКЛ существовал официальный язык, который во времена его функционирования назывался "руським";

– этим языком пользовались (на письме) предки украинцев, белорусов и литовцев;

– устная речь украинцев и белорусов в это время отличалась от письменного “руського” языка;

– это различие было более выразительным на юге украинской территории, где отчетливо проявлялся “украинский языковой комплекс” (иканье, отвердение согласных перед *е, и*, слияние древних *і, ы > и* и т. д.), и на севере белорусской, где выступал “белорусский комплекс”[1] (аканье, дзеканье, цеканье и т.д.).

При выдвижении аргументов “за” и “против” не стоит забывать еще об одном объективном факторе – об унаследованных общих украинско-белорусских языковых чертах, которые выделяются среди прочих восточнославянских:

– судьба напряженных редуцированных перед *j*: укр. *крию, мию,* блр. *крыю, мыю*;

– рефлексация *tъrt, *tьlt: укр. *вовк*, блр. *воўк*;

– явление удвоения переднеязычных согласных перед *ьje: укр. *суддя*, блр. *суддзя*;

– утрата начального *i*: укр. *грати*, блр. *граць*;

– слияние в одном предлоге древних двух *съ, изъ > з* (*із, зо, зі*): укр. *з батьком*, блр. *з бацькам*;

– чередование предлогов *у/в* в зависимости от фонетического окружения: укр. *взяла в нього* и *взяв у нього*; блр. *узяў у яго*;

– наличие фрикативного *г* [21. С. 153–160];

– явление протезы *в* и реже *г*: укр. *вухо, вус*, блр. *вуха, вус*;

– судьба сочетания *dj: укр. *воджу*, блр. *ваджу*.

Едва ли не больше всего работ вопросу идентификации и определению статуса языка ВКЛ посвятил академик Е.Ф. Карский [5. С. 188–250, 483–501; 22]. Его взгляды несколько изменялись, однако в целом сводились к тому, что “народный (белорусский. – *В.М.*) язык… служит языком администрации и на нем пишутся юридические и литературные памятники; на нем говорит вся интеллигенция Литовско-русского государства… Этот язык, ставши государственным в Литовском государстве, распространился и в письменности юго-западной Руси, причем в последней явно начал обнаруживать малорусские особенности” [22. Т. III. Ч. 2. С. 124]. Основные положения, в которых характеризуется данный язык и определяется его принадлежность, изложены в работе “Что такое древнее западнорусское наречие?” (см. [5]). В ней языковед на основе сопоставления черт, встречающихся в памятниках, с данными современной (для времени Карского) белорусской диалектологии пытается продемонстрировать очевидность утверждения о превалировании в западнорусском наречии особенностей белорусских говоров, и, следовательно, он является белорусским. К таким особенностям ученый относит: 1) появление неслогового *у* (*ў*) на месте *у* и *в*; 2) отвердение *р*; 3) наличие написаний *жч* и его вариантов; 4) аканье; 5) наличие фрикативного *г*; 6) сохранение результатов второй палатализации; 7) сохранение слогов *ый–ій*, соответствующих великорусским *ой–ei*; 8) явление удвоения переднеязычных согласных; 9) дзеканье, цеканье.

Е. Карский отмечает, что черты 1, 3, 5, 6, 8 характерны и для памятников украинского языка, а “выдающаяся” (аканье) и “самая характерная” (дзеканье, цеканье) черты белорусских говоров – в памятниках западнорусского наречия встречаются редко [5. С. 255–257]. Обратим внимание на то, что 7-я черта явля-

---

[1] Термин “белорусский комплекс” употребил В. Чекмонас для определения наиболее ярких особенностей языковой системы (см. [20. С. 39]).

ется также характерной для украинской разговорной речи: *восьмий, іній*; черта 2 присуща до сих пор языку жителей Полесья: *бурак, раби*. В различных работах Е. Карский к характерным чертам западнорусского (= старобелорусского) языка также относит:

– смешение ѣ и *е*: *поедѣть, поедеть, къ рецѣ* [5. С. 224];

– переход *е* в *о* после отвердевших шипящих, *ц* и *р*: *пошолъ, съжогъ, чотыри* [5. С. 222–223];

– появление *е* на месте безударного а < (*ẹ): *упоменути, гледэти, тисечи* [5. С. 191].

Чрезвычайно важные и до сих пор актуальные выводы в связи с данной проблемой делает Хр. Станг в уже упомянутой работе “Die westrussische Kanceleisprache der grossfürstentums Litauen”, а также В. Курашкевич в своей рецензии на работу норвежского лингвиста. Из выводов Хр. Станга (их принимает В. Курашкевич) видим, что лишь написание ѣ дает относительно последовательную триальную картину, касающуюся происхождения писаря: сохранение ѣ независимо от ударения – писарь с юга Украины; под ударением ѣ, в безударной позиции *ε* – с юга Белоруссии или севера Украины; смешение ѣ и *ε* – с севера Белоруссии. По остальным 15-ти выделенным особенностям (фонетическим, грамматическим и графическим) южноукраинские (галицкие и молдавские) грамоты противопоставляются волынским и белорусским (сначала приводится пример из южноукраинских грамот, потом из североукраинских и белорусских):

– из орфографических – буква **ъı** – *ы*;

– из фонетических – замена ѣ > *и* в галицких памятниках и отсутствие ее в волынско-белорусских;

– на месте *е в новых закрытых слогах находим ѣ, *и, ю*, в то время как в волынских эта замена встречается редко, а в белорусских совсем отсутствует;

– то же касается и написаний *у* на месте древнего *о* в той же позиции;

– *кы, гы, хы – ки, ги, хи*;

– смешение *ы, и* – отсутствие смешения;

– в словоизменении флексия ѣ в сущ. Gen. sg. *землѣ – земли*;

– окончание *-ии*: *людии – єи: людєи*;

– в Dat. sg. сущ. муж. рода флексия *-у, -ови* – только *-у*;

– в Nom. pl. *свѣдци, намѣстици – сведки, намѣстки*;

– наличие в этой же форме окончания *-ове* – *-у* (*-ове* только как явный полонизм);

– в Gen. sg. местоимений и прилагательных *тоѣ, тои, рускоѣ, рускои – тое, руское*;

– местоименные формы *тѣхъ, тѣмъ – тыхъ, тымъ*;

– окончания 1 л. мн.ч. глагола *-мъ, -мо, -мы* – преимущественно *-мъ*, только *есмо* [10. S. 277–279].

В. Курашкевич считает невозможным отличить писарей – выходцев с севера Украины от южнобелорусских на основе анализируемых грамот. Хотя к югу все больше проявляются украинские черты (отвердение согласных перед *і и *е; мягкость *ц'*; развитие дифтонга *уо* в направлении *і*; формы местоимений *що, шо, вуон, вона*; отсутствие оглушения *дуб, бабка*), а соответственно на север – белорусские (цеканье, дзеканье, аканье; велярность *ц*; отсутствие свидетельств развития дифтонга *уо* в направлении *і*; формы местоимений *што, йуон, йана*; оглушение *дуп, бапка*), – однако в памятниках XIV–XV вв. подобные черты отображения не нашли. Исходя из этого язык, функционировавший на террито-

рии между Луцком и Минском (на основе письменных памятников), В. Курашкевич считает наречием срединным (переходным) между южноукраинским и севернобелорусским [10. S. 284–285]. Наконец, обратим внимание на важный вывод Хр. Станга, который отмечает также В. Курашкевич: "... грамоты третьей группы, севернобелорусской, кроме смешения *ѣ* и *е* независимо от ударения, ни одной чертой не противопоставляются второй (срединной) группе" [10. S. 288]. Общий конечный вывод Хр. Станга и В. Курашкевича: "... традицию белорусского канцелярского языка начинают галицкие писари Казимира Великого и Владислава Ягелло, значительный вклад принадлежит волынянам во времена Свидригайло. Вместе с тем в канцелярии Казимира Ягеллончика и его преемников работали уже преимущественно писари-белорусы, но *кроме смешения ѣ с е не внесли в этот язык ни одной характерной особенности*" (курсив наш. – *В.М.*) [10. S. 290–291].

Главным образом эти и некоторые другие языковые особенности в дальнейшем выделяют ученые в своих работах, доказывая белорусский или украинский характер памятника.

В. Аниченко маркирующими белорусскими чертами, отличающими памятник от украинского, считает: 1) смешение *ѣ* и *е*; 2) твердость *ц*: *конецъ, палецъ*; 3) смешение *ч – ц: поцекать, оцищать*; 4) наличие окончания прилагательных, местоимений, числительных *-ие: малые, великие, первые*; 5) употребление в глаголах 1 лица мн. ч. окончания *-м: носимъ, напишемъ*; 6) формы составного будущего времени со вспомогательным словом *бути: буду чытать, буду писать*; 7) инфинитивы на *-ть: писать, казать* [13. С. 22].

Ученый выделяет значительное количество черт в XIV–XV вв., общих для украинских и белорусских памятников: 1) утрата безударного *и* в начале слова: *шолъ, маеть, здавна, ма*; 2) наличие протезы *в, г*: *вътъ мертвыхъ, Вольга, оув озерищехъ, вовса*; 3) древние *ы, и*, возникшие из *і, ь* перед *j* дали *и* (*ы*): *шию, вторый, долгий*; 4) отвердение шипящих: *старшый, речъ, чы, тожъ, нашъ, чтучы, вэчысто*; 5) переход *-л* в *-в* (*ў*) главным образом в суффиксах глаголов: *замешкавъ, Вовчькевичъ, видивъ, хотѣвъ*; 6) смешение *в – у: у чомъ, у новину, оусхочеть, с уладыкою*; 7) менее распространенный переход *у* в *ў*: *вряду, вчинити, вжитки, вкажеть*; 8) рефлекс *дж* < *dj в соответствующих памятниках только в слове *їздити* и его производных: *прiѣзджívалъ, приеждчали*; 9) следы фрикативного *г*: *кгвалты, фикгимикгдалы, никды, жикгимонтъ, скиркгаило*; 10) отсутствие начального *г*: *осподарь, осподарю*; 11) отвердение *р*: *писаръ, по старынѣ, мунастыръ, грывенъ*; 12) замена *к, г, х на ц', з', с'*: *в Ризѣ, руцѣ, на речце, слузѣ, пса(н) в троце(х)*; 13) параллельные окончания *-а, -у* в существительных мужского рода родительного падежа единственного числа: *своего роду, року одного, о(т) броду, около дому*; 14) окончание *-и(ы)* в сочетании с числительными *два, три, четыре: два гроши, четыри звоны, два фунты, три паробъки*; 15) употребление окончания *-и* в Дат. и Предл. пад. всех трех родов ед. ч.: *у клети, у литовскои земли, на томъ мэстци, по ... воли, у галичи, в граде Житомири*; 16) падежные формы местоимения *той*, а также *хто, що, нiщо* с гласным *и(ы)*: *тимъ, тыхъ, кимъ, чимъ, никимъ*; 17) формы определительного местоимения *вси: всихъ, всимъ, вси* (тут белорусское *и*, как и украинское, возникло по аналогии, но теперь закреплено нормой); 18) отсутствие *-ть* в глагольных формах 3 л. ед. ч.: *не мае, дае, буде, може*; 19) причастия и деепричастия на *-учи, -ачи: будучи, не дбаючи, рахуючи, мовячи*; 20) употребление предлога-

префикса *зъ: зъ болоты, з братомъ, збудовати, зъ гаи, згинулъ*; 21) употребление предлога *до: до земли, до него, до нас.*

Эти же черты, по мнению ученого, продолжают доминировать в документах украинской и белорусской письменности и в XVI в., причем еще более отчетливо [13. С. 49–69].

А. Журавский приводит те же особенности из "Книги маршалковского суда" 1510–1517 гг. С его точки зрения, они характеризуют памятник как белорусский: 1) ять (ѣ) чаще всего передается буквой *е: вено, делъ, лесъ, сено.* Употребление графемы ѣ очень ограничено; 2) переход начального *у* в *ў*: *вживати, вказовати, вмовити, вчинити, втопити*; 3) передача безударного ѧ как *е*: *деветь, десеть, заець, память.* Эта черта представляет собой отличительную орфографическую особенность белорусской письменности в отличие от украинской, где замена ѧ на *е* имеет место лишь как признак белорусского орфографического влияния.

Столь же отчетливо проявляются белорусские особенности и на грамматическом уровне: 1) окончание *-у* в существительных 2 склонения Род. пад. ед. ч.: *бору, бою, году, доводу, дому, замку*; 2) окончание *-у* в Дат. пад. ед. ч. существительных названий существ: *брату, войту, гостю*; 3) формы существительных женского рода в Твор. пад. ед. ч.: *волостью, данью, частью*; 4) формы Предл. пад. существительных *о*-основы с окончанием *-у*: *в белску, у бору, в долгу, в меху, на торгу*; 5) существительные мужского рода мн. ч. имеют окончания *-и/-ы*, конечные согласные основ существительных *к, г, х* не переходят в свистящие: *будники, врѧдники, ездоки, коморники, мытники.*

Эти и подобные примеры адекватно отражают состояние указанных форм в живом народном (белорусском. – *В.М.*) языке того времени [15. С. 42–44]. Но ведь в перечисленных В. Аниченко и А. Журавским "отличительных особенностях", характеризующих белорусскую письменность, за исключением разве что **смешения *ч– ц***, все остальные также характерны и для северноукраинских письменных памятников[2].

В ряде работ вопросу разграничения украинских и белорусских памятников уделил внимание также известный украинский ученый И. Огиенко (см. 1; 19; 24]). Исследователь не разделяет точку зрения о господстве в ВКЛ белорусского языка, оппонируя Е. Болховитинову, А. Соболевскому, Е. Карскому [1. С. 176]. И. Огиенко утверждает, что процент украинских писарей в великокняжеской канцелярии был немалым. Ссылаясь на работу польского историка О. Галецкого, он отмечает, что ВКЛ состояло из собственно Литвы и присоединенных территорий. Собственно Литва включала полностью территории Виленского, Трокского воеводств, а также Подляшье, Берестейскую землю, Черную Русь с Гродно, Новогрудком, Полесьем и Минском, т.е. она состояла, кроме собственно литовцев, также из белорусов и украинцев, которые были ранее присоединены к Литве [25. S. 5][3].

---

[2] Литературу, посвященную анализу языковых особенностей северноукраинских памятников, где эти же черты выделяются, появившуюся в последнее время, см. в [23].

[3] Ср. также: "В ядро Литовского государства, собственно Литовской земли, входили не только исконные территории литовского племени, но также и соседние руськие – Черная Русь с Новогрудком и Гродно, Подляшье (Берестейщина), Полесье – земли, захваченные Литвой в 13 в., т.е. территория нынешних южнобелорусских и северноукраинских говоров" [12. С. 42].

Полемизируя с Е. Карским, И. Огиенко справедливо замечает, что у белорусского ученого какого-либо четкого метода разграничения белорусских и украинских памятников не было. Главный его принцип: считать памятник белорусским, если в нем нет явных украинизмов [22. Т. III. Ч. 2. С. 16]. Однако нередко объектом анализа ученого становились памятники собственно украинские, как, например, Учительное Евангелие 1616 г. (напечатано в Евье), которое перевел Мелетий Смотрицкий. Этот памятник Карский относит к "самым чистым западнорусским" и на его основе исследует белорусское ударение [22. Т. III. Ч. 1. С. 522]. Однако сомнительно, чтобы происходивший с Подолья Смотрицкий в своей работе использовал характерное для той эпохи белорусское ударение. Выходит, что Карский изучал белорусское ударение на основе диакритики, которую проставил украинский автор. Вообще отбор Карским памятников для характеристики западнорусского наречия не всегда логичен. Если еще можно обосновать отнесение к западнорусским произведений Леонтия Карповича, который родился на юге Белоруссии и последние годы провел в Вильне (хотя образование он получил в Острожской академии и долгое время был иеродиаконом Киево-Печерской лавры), то гораздо труднее объяснить, почему "Книга о вѣрѣ единой" (1619) Захарии Копыстенского, выходца из Перемышля, относится к западнорусской письменности, а его же "Палінодія или Книга Обороны католической святой апостолской Всходней церкви и святыхъ патріархов..." (1619–1622), появившаяся не на белорусской территории, – нет [22. Т. III. Ч. 2. С. 207].

И. Огиенко склонен видеть причину разногласий между исследователями по поводу отнесения памятника к собственно украинским или белорусским в том, что большинство белорусских и российских ученых (а позже и ученых из других стран) основным критерием принадлежности произведения к белорусскому языку называют две черты: 1) смешение *ѣ* с *е*, 2) написание *е* на месте *а* < (*а, *ę) в безударной позиции. Однако украинский лингвист не разделяет эту позицию, поскольку такие черты распространены и в северном наречии украинского языка. Территория северноукраинских говоров в XV–XVII вв. была значительно шире, поэтому данные особенности для писарей канцелярии с северноукраинских земель были типичными [1. С. 176]. По мнению Огиенко, в связи с упомянутыми двумя чертами следует учитывать:

– смешение *ѣ – е, я – е* нельзя считать только белорусским признаком, поскольку это явление наблюдается также в северно- и западноукраинских говорах;

– наличие такого смешения в украинских (не северноукраинских) памятниках является главным образом традиционной орфографической чертой, а не признаком их принадлежности к белорусским;

– смешение *ѣ – е* в украинских памятниках никогда не проводится так часто, как в белорусских;

– в украинских памятниках, где употребляется традиционное орфографическое е вместо *ѣ*, всегда много случаев с *і* (*и*) вместо *ѣ*, что не известно белорусским памятникам;

– памятники с наличием смешения *ѣ – е, я – е*, но при этом фиксирующие смешение *ѣ* с *і*, следует считать украинскими [1. С. 185].

Какие же подходы к разграничению украинских и белорусских памятников предлагает И. Огиенко?

1) Самым первым и самым важным является национальность автора;

2) языковой критерий применяется тогда, когда авторство и место написания неизвестны;

3) территориальный принцип;

4) где бы автор ни написал или напечатал свой памятник, он все-таки остается памятником языка того этноса, к которому принадлежит автор. Нация же, на территории которой создан памятник, может причислять его только к памятникам культуры, но не к памятникам языка;

5) анонимные произведения с диалектно невыразительным языком можно относить к памятникам того народа, на землях которого они были созданы;

6) анонимные произведения с диалектно невыразительным языком, место возникновения которых неизвестно, могут приписываться и белорусам, и украинцам;

7) перепечатанный за пределами родного края памятник остается памятником того этноса, к которому принадлежит автор;

8) если автор происходит из переходного украинско-белорусского пограничья, тогда о "национальности" памятника в большей степени свидетельствует язык, а при невыразительности его он остается общим для обоих народов [1. С. 184].

Сугубо практические цели вынудили составителей исторических словарей украинского языка Е. Тимченко и Л. Гумецкую выработать свой подход к разграничению украинских и белорусских памятников. Тимченко подошел к решению проблемы, основываясь на территориальном принципе, одновременно отмечая, что он не абсолютен, "потому что некоторые памятники, несомненно относящиеся к украинскому языку, писались или печатались в Белоруссии" (см. [26. С. III]). Такой подход поддержали и авторы Исторического словаря белорусского языка: "Основным тут является учет того, где и в какой среде создавался памятник, на удовлетворение чьих интересов он был ориентирован, где и кто его читал. Логическое развитие этого тезиса приводит к признанию территориального критерия как основного при разграничении памятников" [27. С. 15].

Иначе подходили к проблеме составители "Словаря староукраинского языка XIV–XV вв." под руководством Л. Гумецкой. В основу был положен языковой критерий. Сама исследовательница неоднократно выступала с программными статьями, касающимися разграничения памятников. Она выделяет язык "западнорусский" как общий для украинцев и белорусов, на основе которого со временем все более отчетливо проявляются собственно украинские и белорусские особенности. «"Западнорусским" литературным языком XV–XVII вв. следует считать язык таких памятников, которые нельзя причислить ни к исключительно белорусским, ни к украинским, где отражены как специфические украинские, так и белорусские черты. На "западнорусском" языке написаны памятники: Вислицкий статут XV в., три Литовских статута 1529, 1566, 1588 гг. и т.д. Но, поскольку в период XV–XVII вв. возникают уже и памятники с исключительно украинскими или с исключительно белорусскими языковыми чертами, свободные от специфических черт другого языка, язык таких памятников следует называть старобелорусским и староукраинским» [11. С. 334]. Л.Л. Гумецкая не соглашается с В.В. Аниченко по поводу причисления памятника к белорусским на основе нескольких черт (речь вновь идет о смешении *ѣ – е, я – е*), поскольку эти особенности также характерны для говоров северного наречия украинского языка [12. С. 42].

Н.И. Толстой, говоря о статусе литературно-письменного языка в литовско-польском государстве, отмечает чрезвычайно непростую ситуацию в западно-

русских землях, аналогов которой нет в мире [28. С. 241–242]. «Вряд ли еще где-то можно найти аналогичное состояние, где бы существующие "типы", "варианты" или, лучше сказать, разные манифестации литературного языка создавали бы такой широкий спектр с многочисленными переходами и оттенками, где с одного фланга был польский, а со второго – церковнославянский в относительно чистом виде. Среднее положение между ними занимал язык "западнорусский", в одних случаях он приближался к украинскому, в других – к белорусскому, но никогда в принципе не являлся фиксацией того или иного диалекта украинского или белорусского языков, а являл часто эксперимент создания своеобразного литературного койне, основными носителями которого была мелкая буржуазия, военные, городское и сельское духовенство, а также шляхта. Если для польского языка установление на то время норм было вопросом беспроблемным, для церковнославянского тоже (Смотрицкий это блестяще сделал), то промежуточные слои спектра оказались менее нормализованными и представляли собой часто компромиссные опыты над языком: церковнославянско-западнорусский, западнорусско-польский, церковнославянско-западнорусско-польский» [28. С. 245]. Наконец, Н.И. Толстой делает вывод, что "во второй половине XVI в. и в начале XVII в. на Украине и в Белоруссии в принципе был единый литературный язык" [28. С. 242].

В последнее время исследуемая проблема все чаще обсуждается в научных журналах и, что приятно, не только украинских и белорусских [29–31]. В. Мякишев в самом начале статьи «"Русская мова" Литовского статута 1588 года и виленских актовых книг XVI века» утверждает, что «факт принадлежности анализируемых текстов – статута и актов – к белорусской разновидности "руськой мовы" приобретает дополнительную значимость именно под конец XVI века, когда канцелярский язык, как и в целом литературный язык княжества, различая белорусский и украинский варианты, стоит накануне передвижения языковой основы в сторону юго-западного наречия» [30. 58–64 old.]. Выделив первое издание Статута как близкое к эталону "русской мовы", автор путем статистических подсчетов фонетико- и морфолого-грамматических явлений стремится показать, как отклонялся со временем этот эталон преимущественно в украинскую сторону. Конкретных примеров черт эталонного языка исследователь приводит мало, по большей части соглашаясь с предшественниками, которых не называет: «... из фонетико- и морфолого-грамматических явлений, которые причисляют к выразительным особенностям "русской мовы"... следы отвердения шипящих, *р, ц*; переход *е* в *о*, *я* в *е*; изменения в группах согласных, развитие плавных...» [30. 59 old.]. В целом в статье графико-лингвистическим анализом не подтверждается один из выводов: «Текст кодекса разных изданий, будучи "верным отражением времени", наглядно демонстрирует, как ослабевает к концу столетия белорусская системность статутного "языка", отклоняясь в сторону "простомовных" нормативов украинского письма» [31. 61 old.]. То есть для лингвиста очевидно, что первые издания Статута написаны "руським", приближающимся к старобелорусскому языку. Подтверждением этому служат главным образом графико-орфографические черты, которые приводит В. Мякишев, ссылаясь на работы И. Огиенко, В. Аниченко, А. Булыки. Собственных языковых аргументов в подтверждение этого тезиса ученый не приводит.

М. Мозер непосредственно проблемы разграничения памятников в статье «Что такое "простая мова"?» не касается. Отвечая на вопрос, поставленный в названии статьи, ученый, в частности, отмечает, что «понятия "украинский" и

“белорусский” в XVI–XVII вв. еще не утвердились для названий соответствующих земель или же имели совсем иное значение. Вместе с тем, с современной перспективы названия “староукраинский” и “старобелорусский” язык относительно “простой мовы” абсолютно приемлемы, поскольку она представляет собой этап в развитии именно украинского и белорусского литературных языков» [29. 224 old.]. Для исследователя очевидно, что старобелорусский и староукраинский языки в период ВКЛ и РП существовали, причем «деловая “руська мова” сначала имела больше северных элементов, то есть белорусских, но с течением времени в ней, как и в “простой мове”, начинают доминировать южные, то есть украинские черты» [29. 229 old.]. Вообще Мозер “руську мову”, а затем и “простую мову” считает общей для украинцев и белорусов, которая, однако, могла функционировать в определенных вариантах: «"простая мова" представляет собой литературно обработанную, надрегиональную разновидность белорусского и украинского языков среднего периода, возникшую на базе общего “руського” (=украинско-белорусского) делового языка, которая, даже обнаруживая некоторые черты народного украинского и белорусского языков, испытывала настолько сильное влияние со стороны польского языка и польских текстовых образцов, что исследователи часто оспаривали саму ее “белорусскость” или “украинскость"» [29. 221 old.]. При идентификации этого языка с определенным этносом возникают трудности прежде всего потому, что "простая мова” по сути не является ни собственно староукраинским, ни старобелорусским созданием; речь идет скорее о “староукраинском и старобелорусском литературном языке” (в связи с чем и безапелляционное отнесение многих памятников к белорусским и украинским представляется невозможным). Ученый не соглашается с Журавским, что «термин “белорусский язык”, введенный в научный оборот еще в начале 19 в., более всего отражает структурную и материальную характеристику этого языка» [29. 223 old.].

Много внимания вопросу статуса официального языка ВКЛ в своих работах уделяет известный белорусский историк языка В. Свежинский [14; 32]. Он принадлежит к числу тех ученых, которые однозначно считают, что памятники с территории Белоруссии написаны на старобелорусском языке. Свежинский отмечает, что все основные специфические черты, которые выделяют белорусский язык, находим уже в грамоте 1300 г.:

– написание *е* на месте *ѣ* (*ехати, тобе*);

– выпадение гласного *и* в начале слова (*шолъ*);

– переход *е* в *о* после шипящих (*бочокъ, пришолъ*);

– переход суффиксального *л* в *в* в формах глаголов прошедшего времени мужского рода (*оубоявся*);

– замена *в* на *у* перед согласными (*у чомъ*);

– чередование *г, к, х с з, ц,с* (*в Ризѣ*);

– цокание (*доконцанъ*);

из морфологических черт:

– окончание *-у* (*-ю*) в существительных мужского рода Род. пад. ед. ч. (*воску*);

– сочетание существительных мужского рода с числительными *два, три, четыре* в форме мн. ч. с флексией *-и* (*-ы*) (*берковескы копи*);

– формы на *-и* в существительных третьего склонения (*у клети*);

– падежные формы неличных местоимений с корневыми *ы, и* (*тымъ, чимъ*) [14. Т. I. С. 130–131].

В. Свежинский приводит многочисленные иллюстрации, как собственные, так и предшественников, являющиеся, по его мнению, доказательными для определения языковой принадлежности памятника. Правда, и тут в собственных ремарках ученый настойчиво подчеркивает только "белорусскость" западнорусского языка. "Как считает Курашкевич, работа этого исследователя (Станга. – *В.М.*) очень ценная и сделана на широкой основе, дает детальный образ официального западнорусского (т.е. белорусского. – *В.С.*) языка на протяжении двух столетий: XV и XVI" [14. Т. II. С. 133]. Однако ни Станг, ни Курашкевич в упомянутых работах нигде категорично не утверждают, что официальным языком ВКЛ был именно белорусский. Действительно, как отмечает В. Свежинский, В. Курашкевич не объединяет волынские и белорусские грамоты [14. Т. II. С. 134], но из 17 приведенных дифференциальных черт, по которым противопоставляются южноукраинские (галицкие и молдавские) грамоты волынским (североукраинским) и белорусским, только одна – смешение *ѣ* – *е* – позволяет отделить белорусские грамоты от волынских [10. S. 277–279]. Белорусский языковед, ссылаясь на работы В. Аниченко, перечисляет ряд признаков, демонстрирующих не только языковую самостоятельность, но и графическую:

– на месте древнего *ě в белорусских текстах чаще отмечается *е*, в украинских *ѣ*;

– в старобелорусском письме преобладало написание с *и* перед гласным, в украинском – *і*;

– для обозначения *й* краткого белорусские писари пользовались паериком, украинские нередко писали *и*, (*й*);

– отличия в написании *о* и *w*;

– буква *у* в белорусских, *оꙋ*, *ꙋ*, *ѫ* – в украинских;

– буква *а* после мягких в белорусской традиции передавалась *я*, в украинской – *ѧ*;

– в белорусских для обозначения нейотированного *е* часто употребляли *э*, в украинских – *є*;

– буква *з* – в белорусских, *ѕ* – в украинских памятниках, в белорусских преимущественно для обозначения числа 6;

– диграф *кг* – в белорусских, *ґ* – в украинских;

– употребление букв *ь* и *ъ* в конце слов в белорусских текстах преимущественно этимологически оправдано, в украинских преобладает написание *ь*.

Таким образом, если существовал ряд принципиальных отличий между украинским и белорусским письмом и украинские черты легко выявляются в тех белорусских текстах, в которых они встречаются, свидетельствует ли это о тождестве старобелорусского и староукраинского языков? – логично спрашивает белорусский ученый (см. [14. Т. II. С. 136–140]. Разумеется, нет. Живые языки существенно различались, о чем и свидетельствуют записи белорусских и украинских текстов некириллическим письмом [18. С. 38–39; 22. Т. III. Ч. 2. С. 212–240; 33]. Комментируя эти черты как доказательство самостоятельности украинской и белорусской графико-орфографических систем, следует отметить, что несложно найти десятки украинских памятников, в которых такие отличия не проявляются. В Житомирских, Овручских, Кременецких, Луцких актовых книгах абсолютно преобладает написание с паерком вместо *-и(й)* (**Лого'ски'**). Такое же написание последовательно встречается в кириллических памятниках с Холмщины, например, в "Артыкулахъ бра^т^ству Косопудъскому" (*самы'*); в

"Ключе царства небесного" М. Смотрицкого в конце слова *ь* и *ъ* употребляется согласно с этимологией; в Пересопницком Евангелии паерок, как правило, употребляется на месте *ь* и *ъ*: **амин', подов'но**; диграф *кг* вообще явно доминирует в украинских памятниках со всех территорий по сравнению с ґ. В свою очередь, в типичном "западнорусском" памятнике "Катехизисе" 1585 г., напечатанном в Вильне, наблюдаем характерные (по Свежинскому) украинские графические признаки: наличие графем ꙋ, ж, – ѧ: **сакраментꙋ дѧха, порѧдне**, написания с *і* перед гласными *-іє, -ія*: **звавленія, маріа**, вместо паерка употребление **ь, ъ: служъбы, мирсъского** и т.д. [34]. К тому же следует помнить, что легко выделяются определенные тенденции в манере письма выходцев из Житомира в сравнении с луцкими (что и отмечал известный украинский палеограф И. Каманин) [35. С. 18], не говоря уже о значительных отличиях между графико-орфографическими системами памятников из Овруча и села Одрехова (Лемковщина). Действительно, по Свежинскому, однозначная правка вносилась в соответствии с местными правилами письма; верно, что белорусские тексты правились на Украине, а украинские – в Белоруссии потому, что местный читатель говорил не так, как писали в соседнем крае. Но никак нельзя согласиться с тем, что при прочтении текстов, написанных белорусскими писарями, у украинского читателя могли возникнуть проблемы с их пониманием и что это было не копирование, а переводы с языка на язык [14. Т. II. С. 141]. Если согласиться с мыслью, что "Диариуш" Филипповича (оригинал) и его украинский вариант или списки "Лексикона" П. Берынды, создаваемые на Украине и в Белоруссии, являются переводами с языка на язык (белорусского на украинский), то и список Житомирского Евангелия 1571 г. по сравнению с Пересопницким значительно отличается с учетом черт живого языка, причем в Житомирском Евангелии довольно часто наблюдаем смешение ѣ с *е* и *я* с *е*: *нє хотєл, лєпшоє, повєсти, нє присєгай, тисєчи, спомєнулї* [36. С. 191, 194], чего практически нет в Пересопницкой рукописи. Неужели и здесь можно говорить о переводе? Тогда с какого языка на какой? Однако как быть с очевидным фактом, что лишь единичные памятники, которые белорусские ученые однозначно относят к белорусскоязычным, характеризуются аканьем (нередко сомнительным, ср. *поламати, помагати, выганяти* [36. С. 10]), а дзеканье и цеканье практически отсутствуют. Те же доказательства в пользу белорусского характера памятника, которые приводят Е. Карский, В. Аниченко, А. Журавский, В. Свежинский, характеризуют и северноукраинское наречие. И выводы типа "неслияния *ы* и *і*, отвердение шипящих и *ц* отделяют звуковую систему Евангелия Тяпинского от украинских диалектов" [37. С. 19] не совсем научно обоснованы. От каких диалектов? Средненадднепрянского, галицкого, подольского? Безусловно, но не от северноукраинского.

Исследователи, стремясь внести ясность в проблему, еще больше ее затемняют, когда называют официальный язык ВКЛ староукраинским (И. Огиенко), старобелорусским (большинство белорусских языковедов). Почему-то за эталонные (характерные) украинские языковые черты берутся только южноукраинские: иканье (в памятниках – сохранение буквы ѣ, явление *"нового ятя"*), *и* на месте *е* в новых закрытых слогах (**шисть**), *у* на месте *о* в новом закрытом слоге (**кунь**), совпадение древних *ы, і* в *и* (**лыхо**) и т.д. Это действительно маркирующие особенности украинского языка, которые на фонологическом уровне выделяют его среди всех славянских. Большинство таких черт закреплено нормой современного литературного языка. Маркирующими белорусскими при-

знаются черты, которые также присущи одному из территориально-языковых образований в рамках другого государства. При этом особенности, которые действительно являются определяющими белорусскими (аканье, дзеканье, цеканье, местоименные формы *гэты, йон* и т.д.) и в дальнейшем стали литературной нормой, в памятниках появляются спорадически или же вовсе отсутствуют.

Главным образом территориальный принцип при установлении статуса памятника применяют польские ученые. Так, Э. Смулкова употребляет термин "старобелорусская письменность и язык" применительно к языку канцелярии ВКЛ именно в отношении светской и религиозной письменности, происходящей из северной части ВКЛ, которая характеризуется языковыми чертами, присущими белорусскому языку в соответствии с современным узусом. Начало этого периода относится к концу XIV в. (Кревская уния 1385 г.), а его высшей точкой стала вторая половина XVI в. (Люблинская уния 1569 г.) [38. S. 296]. Аргументы приводятся традиционные: прежде всего смешение ѣ – *е* и *я* – *е*. В дальнейшем это неразличение приводит к откровенным недоразумениям. Польская исследовательница отмечает, что в 1696 г. вышло постановление Генеральной Варшавской Конференции о том, что правительственные документы должны писаться по-польски, а не по-белорусски, и приводит цитату: "Все декреты в дальнейшем должны издаваться на польском языке" [38. S. 298]. Из констатации Э. Смулковой выходит, что Генеральная Варшавская Конференция выделяла белорусский язык из "руського" и лишь для него (белорусского) ввела такие ограничения. А на "руськую мову" с украинских территорий это постановление не распространялось?

Собственно белорусские языковые черты на фоне церковнославянских проявляются в "Катехизисе" 1585 г. (по мнению исследователя памятника А. Фаловского), написанном в Вильно: "Среди исторических особенностей следует обратить внимание на существующие в письменном памятнике явления, относящиеся к живому западнорусскому (белорусскому) языку" [34. S. 40]. Какие же признаки "белорусскости" памятника приводит ученый? Белорусские черты он разделяет на те, которые проявляются активно и изредка. К активным принадлежат: совпадение ѣ и *е*; переход *е* в *о* после шипящих; утрата начального *і*; написание *ки, ги, хи*; депалатализация шипящих, *ц, р*. К редко употребляемым: аканье, переход *у* – *в*; развитие *ръ* в *ри*; депалатализация губных в конце слова; упрощения в группах согласных; депалатализация *л'*; диссимиляция в группе *кт*; удвоение переднеязычных согласных перед *ьje [34. S. 40]. Из восьми признаков аканья три прямо на это явление не указывают: **катахизмъ**, **помагати**, **помагают'** [34. S. 36]. Последние же два, которые довольно часто используются как доказательство "белорусскости" памятника, фиксируются уже в древнейших текстах с украинских территорий и в дальнейшем стали нормой для украинского литературного языка.

Как белорусский квалифицирует официальный язык ВКЛ З. Курцова. Она замечает, что на рубеже XV–XVI вв. белорусский язык распространился в Литве как официальный язык великокняжеской канцелярии, язык литургии униатской церкви, а вместе с тем и язык двора и привилегированных слоев, а потом все более широких слоев среднего литовского рыцарства и бояр. Белорусский стал ежедневным разговорным языком, родным для привилегированных литовцев среднего достатка [39. S. 33]. То, что разные слои ВКЛ в ежедневном общении могли пользоваться языком с явными белорусскими признаками (включая и черты "белорусского комплекса"), сомнений не вызывает, однако этот разго-

ворный язык официальным (письменным) в великокняжеской канцелярии не был. Эту функцию исполняла "руська мова", что не одно и то же.

В работах польских лингвистов для характеристики польского языка XV–XVI вв. на территории ВКЛ используются термины "севернокресовый диалект" (территория Белоруссии) и "южнокресовый диалект" (территория Украины), причем границу между ними исследователи нередко проводят по современной украинско-белорусской границе. Последствием подобных штудий являются выводы о том, что говоры, например заблудовские, берестейские, внесли элемент разговорного белорусского языка в севернокресовый диалект, ратновские, ковельские, соответственно, – в южнокресовый. Потому и неудивительно, что для характеристики белорусского влияния на польский севернокресовый язык иногда приводят иллюстрации, мягко говоря, не совсем белорусские: *Nieświżu, na świcę* (1635), *srybra* (1695), *z zasiwkim* (1641), *nilza było* (1669), *kopijek* (1794), *po wielky nicy* (1632), *dopiro* (1615), *cztyry, siekira* (1665) [39. S. 67–68]. В комментарии приведенного явления С. Курцова не указывает, откуда это *i* (для нее само собой разумеется, что белорусское).

Довольно интересно видение языковой ситуации на землях ВКЛ С. Вархола и Ф. Чижевского. По их мнению, на землях между Влодавой и Брестом на левом берегу Буга, входивших в Брестско-Литовское воеводство по крайней мере до 1569 г., городское, а особенно сельское население изъяснялось на северноукраинском диалекте. Официальным же языком вплоть до времен Люблинской унии, как и во всем ВКЛ, был язык старобелорусский [40. S. XI]. На каком основании дела, написанные, например, в Житомирском, Кременецком, Луцком городских судах (эти города входили в состав ВКЛ), следует относить к белорускоязычным, польские ученые не объясняют.

На сложность проблемы разграничения украинских и белорусских памятников при выявлении заимствований из "руськой мовы" указывала и Г. Турская. Она отмечала, что польские исследователи (А. Брюкнер, З. Клеменсевич) обращали внимание на "руськие" заимствования вообще, без детализации, хотя вопрос этот является для истории польского языка и культуры непростым [41. S. 77]. Среди причин нежелания языковедов указывать украинский или белорусский характер заимствования исследовательница отмечает главную: масса выражений, заимствованных на севере из белорусского источника, а на юге из украинского, ни практически, ни теоретически разграничить невозможно, исходя из их первичной принадлежности к одному из языков: *błay, chata, hulać, hultaj, klacza, kniaź, krynica, puha, prynuka, raby* (*рябой*) [41. S. 78].

Мы считаем, что при рассмотрении вопроса о статусе официального языка в Польско-литовском государстве и о разграничении украинских и белорусских памятников несправедливо обойдено вниманием значительное (по площади) и важное в Восточной Славии территориально-языковое образование – Полесье. Действительно, Полесье в настоящий момент административно "разделено" между четырьмя странами: Белоруссией, Украиной, Польшей и Россией. Наиболее резкая граница для Полесья и его жителей пролегла между Украиной и Белоруссией. Она почти пополам разделила некогда (и много в чем и до сих пор) единый этно-культурно-языковой комплекс. Его границы по-разному очерчивались исследователями. Как свидетельствуют исторические источники XIV–XVI вв., в частности хроники Я. Длугоша, М. Кромера, белорусско-литовские и староукраинские летописи, Полесье размещается между Волынью, Мазовией, Пруссией, Литвой и Русью. По М. Стрыйковскому, Полесье протяну-

лось от Подляшского воеводства до Днепра. В этот период (годы жизни графа 1547–1582) оно было заселено литовцами и "русинами". В.М. Татищев Полесье видел не только на украинско-белорусском Правобережье, но и на Левобережье, в частности в Надсожье. Еще больше расширилось употребление названия Полесье в XIX–XX вв., что было обусловлено возникновением дифференциальных признаков Полесья, основанных на территориальных (Брестское, Пинское, Волынское, Мозырьское, Брянское, Жиздринское, Калужское, Киевское, Черниговское, Минское и т.д .) и этнических (украинское, белорусское, русское, собственно полесское, литовское) чертах [42. С. 13–15]. Как видим, едва ли не все исследователи выделяют ядро Полесья: Ратно–Иваново–Береза–Ивацевичи–Ганцевичи–Старобин–Птич–Мозырь–Ельск–Словечно–Олевск–Сарны–Костополь–Ковель–Ратно [43. С. 37]. Приблизительно так же Полесье выделяли и в XIX в.: "…долина Припяти, три южные поветы Минской губернии: Пинский, Мозырьский, Речицкий …земли, простирающиеся на юг до Ковеля, Клевани, Радомышля, включая местность от Буга до Днепра между Ковелем и Лоевом. Вся эта площадь называется Полесьем" [44. С. 340].

В свете всего сказанного логичным представляется подход группы научных сотрудников Института славяноведения, созданной Н.И. Толстым, к комплексному изучению Полесья. Ими была выделена сеть населенных пунктов для исследований в полевых экспедициях, которая включала 150 населенных пунктов Брестской, Гомельской, Брянской, Курской, Белгородской, Сумской, Черниговской, Киевской, Житомирской, Ровненской, Волынской областей. Исследования призваны были дать цельную картину полесского этноязыкового пространства. В рамках этой программы автором статьи подготовлен "Лексический атлас полесской народной медицины и лечебной магии", свидетельствующий, что какой-либо разницы в стиле жизни, типах постройки, речи жителей, например, с. Лучанки Овручского района Житомирской области и с. Стодоличи Лельчицкого района Гомельской области нет, как нет ее и между жителями Полесья на юге Кобринщины и на севере Ратновщины и т. д.

На данный момент споры о границах Полесья фактически не ведутся. Оно четко очерчено, его языковые границы совпадают с физико-географическими. На северо-западе граница – аканье, на юге – дифтонги; северная граница проходит севернее линии Брест–Кобрин–Ганцевичи–Слуцк, восточная – по Днепру; юг Полесья ограничивает Волынско-Подольская возвышеннось и Овручский кряж [45. С. 5].

Можно согласиться с В. Свежинским, что балтийский языковой субстрат в формировании украинского языка участия не принимал (см. [14. Т. II. С. 144]). Полесье всегда было густонаселенным и формировалось преимущественно на основе славянских культур. Археологические и лингвистические данные позволяют сделать однозначный вывод о вычленении двух диалектно- и этнографически различающихся массивов: северного и южного [14. Т. II. С. 59]. Полесские говоры складывались на базе языка населения летописных древлян, волынян и дреговичей, которые на левый, северный берег Припяти перешли, вероятнее всего, не раньше VIII в. До этого дреговичи жили на землях древлян (к северу от Припяти) [46. С. 45]. Крайняя северная граница полесских (северноукраинских) говоров, которую в разное время определяли разные исследователи, существенного смещения не претерпела: она проходит на север от Бреста–Кобрина–Ганцевичей–Слуцка [45. С. 5; 47].

Эта территория сыграла чрезвычайно важную роль не только в восточнославянских, но и в целом в славянских этногенных процессах. Недаром многие ученые-слависты, говоря о прародине славян, наряду с другими регионами называют район бассейна Припяти [48].

До сих пор Полесье представляет собой во многом единое этнокультурное образование. Его лингвистические границы и в настоящее время до конца не стерлись. Если сейчас украинско-белорусское пограничье сдвигается на юг, приближаясь к государственной границе, то в прошлом оно безусловно локализовалось на левом берегу Припяти. Переносить современное диалектное состояние украинско-белорусского пограничья на пять–шесть веков назад нельзя. Южноукраинские языковые черты ("украинский комплекс") с собственно белорусскими ("белорусским комплексом") непосредственно не граничили. Между ними была значительная (несколько сотен километров) буферная зона в виде совершенно самостоятельного территориально-языкового образования – Полесья. Следуя логике выводов большинства исследователей, выделявших украинско-белорусское языковое пограничье во времена ВКЛ, нужно помнить, что южная полесская граница несомненно проходила значительно южнее нынешней. Поскольку полесские черты языковеды нередко безапелляционно причисляют к белорусским, то переходные украинско-белорусские говоры следует определять от условной линии Киев–Житомир–Ровно–Луцк, что вряд ли соответствует действительности.

Протоукраинские земли, входившие в Киевскую Русь (КР), как уже отмечалось выше, в языковом плане отчетливо разделялись на две зоны: северную и южную. Основные полесские черты на время распада КР (XII–XIII вв.) уже сложились:

– зависимость от ударения рефлексов древних *о, *е, *ě (под ударением преимущественно звуки неодинарной артикуляции или напряженные закрытые *ô, ê, ê*, в безударной позиции соответственно – *о, е, е*);

– зависимость от ударения рефлексов древних *а и *ę (под ударением – *'а (я)*: *ячни*, в безударной позиции – *е: єчмень*);

– сохранение (в северных среднеполесских и восточнополесских) древней фонемы *i*;

– переход *е* в *о* после шипящих;

– чередование *у* с *в* (*вчинили*);

– отвердение шипящих, *ц, р*;

– наличие фрикативного *г*;

– отсутствие депалатализации переднеязычных *д, т, з, с, ц, н, л* перед гласными переднего ряда *і, *е (южная граница – северные киевские, житомирские и ровенские говоры);

– наличие флексии *-у* в формах существительных мужского рода Род. пад. ед. ч. (*воску*);

– абсолютное доминирование флексии *-у* (лишь спорадически *-ові*) в существительных мужского рода Дат. пад. ед. ч. (*брату*);

– флексия *-иє* в формах Им. пад. мн. ч. прилагательных, числительных и неличных местоимений (*тиє*, *зелениє*);

– окончание -и прилагательных мужского рода Им. пад. ед. ч. (*молоди*);

– отсутствие аффрикаты *дж* (<*dj) в глагольных формах 1 лица ед. ч. (*хожу*);

– преобладание флексии *-м* в глагольных формах 1 лица мн. ч. (*кажем*);

– употребление преимущественно флексии *-ть* в инфинитивах (*копать*);

– явление так называемого саканья и цаканья в формах возвратных глаголов (*боюса, смояцца*) [49. Т. 1; 50. С. 56–54] и т.д.

Большинство этих черт последовательно проявляется уже в первых грамотах из великокняжеской канцелярии, а со временем они становятся определяющими в официальном языке не только княжеского двора, но и на пространстве нового внушительного государственного образования. Полесский орфографический узус довольно быстро распространился не только на северных территориях, где он не встретил особенного сопротивления (как видим, именно эти языковые особенности белорусские ученые характеризуют как белорусские, хотя маркирующие белорусские черты – аканье, дзеканье, цеканье в то время уже существовали), но и на юге, где, столкнувшись с совершенно иной фонетикой, нередко побеждал и ее (смешение *е* – ѣ и *я* – *е* обнаруживаем и в южноукраинских памятниках). Разумеется, не все названные полесские черты проявлялись в памятниках в равной мере. Сохранялось еще значительное влияние церковнославянского языка, тем не менее, некоторые из них (наиболее выразительные) пробивались через церковнославянский фильтр. Прежде всего это касается судьбы *'а и *ę в зависимости от позиции в слове. Немногие фонетические черты живого языка в письменных памятниках, создававшихся сначала в канцеляриях ВКЛ, а со временем и в РП, нашли такое последовательное отражение в письменном языке того времени, как рефлексация безударных *'а, ę* > *е*. Данные современной диалектологии позволяют довольно точно определить ареал распространения исследуемого явления: северноукраинское наречие – северные говоры современных Черниговской, Киевской, Житомирской, Ровенской областей, крайняя западная граница распространения – течение реки Стыр (*колодез', месец', запрежу, памет'*) [49]; южнобелорусские говоры (*ходз'ец', ход'ет'*) – правый берег Горыни (*пам'ец', зайец, дзесець*) – далее условная линия на север от Березы – среднее течение реки Лань – бассейн Ясельды – южнее Ганцевичей – Бобруйск – Слуцк – севернее Солигорска – Калинковичи – устье Сожи [51]. Эти изоглоссы подтверждают слова Е. Карского о том, что “переход *а* в *е* на самом деле не известен многим белорусским говорам”, это явление “особенно распространено на юге и юго-западе Белоруссии; на юге видим совпадение с подобной чертой северно-малорусских говоров” [22. Т. II. Ч. 1. С. 99, 102]. Почти совпадают они и с приведенными выше границами территории Полесья.

Наиболее стабильно континуант праславянского безударного *ę > е сохраняется именно в говорах правого берега Припяти и в северных районах Ровенской, Житомирской и Киевской областей, т.е. центральных, по нашему мнению, для этого языкового явления. Анализируемая перегласовка преодолевает границы реального распространения ее в живом языке и фиксируется в памятниках, создававшихся фактически на всей территории Белоруссии, а также в Вильно, Троках и несколько реже – в южноукраинских памятниках (чаще в надднепрянских, спорадически в юго-западных).

Считаем, что нет основания довольно частое написание *е*, ѣ на месте безударного *'а* < *ę в памятниках с территории Белоруссии и севера Украины связывать с непрямыми проявлениями яканья, как это делает А. Булыка [52. С. 350]. Написания типа **тисєча, памєть** уже в первых грамотах периода ВКЛ с северноукраинских и южнобелорусских земель отражали одну из наиболее характерных полесских разговорных фонетических черт.

Определенная тенденция к разграничению в написании под ударением ѣ, без ударения *е* (по В. Курашкевичу) в древнейших грамотах периода ВКЛ с северно-

украинских и южнобелорусских земель со временем нивелируется. Все чаще встречаются написания с *е* и с *и*, что, очевидно, стало следствием влияния собственно белорусской и южноукраинской языковых стихий. При этом нужно учитывать, что составители грамот на всех украинских и белорусских землях пользовались единой орфографией: употреблялись буквы, артикуляционное наполнение которых вообще отсутствовало (ь, ъ) или писарям было не совсем непонятным (ѣ, ѧ, ѫ). Отсюда и смешение в типичных украинских (перемышльских, галицких) грамотах, которые никак не отражают фонетики живого языка того времени: *печѣрескии, зѣмли, вѣлѣли* [53. С. 64].

В заключении сделаем выводы:

1) "Руська мова" не базировалась на живых языковых чертах одного из народов – белорусского или украинского и, несомненно, в период вхождения их в состав ВКЛ для тех и других была общей.

2) "Руська мова" как официальный язык ВКЛ – не новое явление; он возник на почве литературно-письменного языка Киевской Руси – древнерусского.

3) Древнерусский язык в период становления его как официального в ВКЛ из черт живого языка вобрал в себя наибольшее количество полесских особенностей. Этим обусловлена некоторая наддиалектность "руськой мовы" (на начальном этапе ее функционирования) на фоне украинской и белорусской языковых систем, которые, очевидно, в живой речи уже проявлялись в своих маркирующих особенностях.

4) Позже (с XVI в.) характерные украинские черты ("украинский комплекс") с опорой на южноукраинскую основу живого языка все отчетливее начинают проявляться в письменных памятниках и противопоставляются полесским чертам. Со времени безусловных фиксаций черт "украинского комплекса" можно говорить о староукраинском варианте "руськой мовы".

5) "Белорусский комплекс", так и не проявившись реально в литературно-письменном языке того времени, окончательно совпал с "полесским". Поэтому с XVI в. можно говорить о старобелорусско-полесском варианте "руськой мовы", который уже отчетливо противопоставлялся староукраинскому.

Перевод с украинского Н.В. Сотник

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Огієнко І.* Розмежування пам'яток українських від білоруських // Пам'ятки України: історія та культура. 2002. № 2.
2. *А.С. (Соболевский?)* Бѣлоруссы // Энциклопедическій словарь. Ф.А. Брокгауз–И.А. Ефрон. СПб., 1891. Т. 9.
3. *Василенко Н.* Литовско-Русское государство // Энциклопедическій словарь. Ф.А. Брокгауз–И.А. Ефронъ. СПб., 1899. Т. 34.
4. Летописи западно-русские // БСЭ. М., 1954. Т. 25.
5. *Карский Е.Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962.
6. *Русанівський В.М.* Західноруська писемна мова // Українська мова. Енциклопедія. Київ, 2000.
7. *Зволінський П.* Погляди європейських граматистів XV–XIX ст. на українську і білоруську мови // Мовознавство. 1969. № 4.
8. *Ластоўскі У.* Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Спроба паясніцельнай кнігопісі ад канца X да пачатку XВX стагодзьдзя. Ковно, 1926; *Stang Chr.S.* Die westrussische Kancleisprache der grossfürstentums Litauen. Oslo, 1935; *Гумецька Л.Л.* Уваги до українсько-білоруських мовних зв'язків періоду XIV–XVII ст. // Дослідження з української і російської мов. Київ, 1964; *Півторак Г.П.* До питання про українсько-білоруську мовну взаємодію донаціонального періоду // Мовознавство. 1978. № 3.

9. *Німчук В.В.* До проблеми розмежування // Пам'ятки України: історія та культура. 2002. № 2.
10. *Kuraszkiewicz W. Рец.* на кн.: *Stang Chr.S.* Die westrussische Kancleisprache der grossfurstentums Litauen. Oslo, 1935 // Ruthenika. Warszawa, 1985.
11. *Гумецька Л.Л.* Якій з трьох назв західноруської літературної мови XV–XVII ст. – "західноруська", "староукраїнська" і "старобілоруська" – слід віддати перевагу або як ці назви диференціювати у вживанні? // Філологічний збірник. Київ, 1958.
12. *Гумецкая Л.Л.* Вопросы украинско-белорусских языковых связей древнего периода // Вопросы языкознания. 1965. № 2.
13. *Анічэнка У.В.* Беларуска-ўкраінскія пісьмова-моўныя сувязі. Мінск, 1969.
14. Metriciana: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага. Мінск, 2001. Т. I; 2003. Т. II.
15. Жураўскі А.І. Гісторыя цбеларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1967.
16. *Яскевич А.* Старабеларускія граматыкі. Мінск, 1999.
17. *Плющ П.П.* Історія української літературної мови. Київ, 1971; *Німчук В.В.* Походження і розвиток мови української народності // Українська народність: нариси соціально-економічної і етнополітичної історії. Київ, 1990; *Русанівський В.М.* Історія української літературної мови. Київ, 2001; *Ісаєвич Я.Д.* Мовний код культури // Історія української культури. Київ, 2001. Т. 2.
18. *Німчук В.В.* Староукраїнська лексикографія в її зв'язках з російською та білоруською. Київ, 1980.
19. *Огієнко І.* Історія української літературної мови. Київ, 1995.
20. *Чекмонас В.* Из истории формирования белорусских говоров // Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы: Матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў. Мінск, 2001.
21. *Булаховський Л.А.* Питання походження української мови. Київ, 1956.
22. *Карский Е.Ф.* Белорусы. Варшава, 1903. Т. I; 1908. Т. II. Ч. 1; 1911. Т. II. Ч. 2; 1912. Т. II. Ч. 3; М., 1916. Т. III. Ч. 1; Пг., 1921. Т. III. Ч. 2; Пг., 1928. Т. III. Ч. 3.
23. *Німчук В.В., Симонова К.С.* Передмова // Ділова мова Волині і Наддніпрянщини XVII ст. Київ, 1981; *Німчук В.В.* Підкоморські книги Правобережної України кінця XVI – першої половини XVII ст. // Книга Київського підкоморського суду (1584–1644). Київ, 1991; *Матвієнко А.М.* Передмова // Волинські грамоти XVI ст. Київ, 1995; *Мойсієнко В.М.* Акти Житомирського уряду кінця XVI початку XVII ст. – важливе джерело вивчення тогочасної української літературно-писемної мови // Акти Житомирського гродського уряду: 1590 р., 1635 р. Житомир, 2004; *Мойсієнко В.В., Німчук В.В.* Герасим Смотрицький та його "Ключ царства небесного…" // *Герасим Смотрицький.* Ключ царства небесного. Житомир, 2005.
24. *Огієнко І.* Українська літературна мова XVI століття. і. Крехівський "Апостол" 1560 року. Варшава, 1930.
25. *Halecki O.* Litwa, Ruś, żmudź, jako części skladowe Wielkiego Księstwa Litewskiego // Rozprawy historyczno-filozoficzne Akademji Umiejętności w Krakowie. 1916. T. LIX.
26. Передмова // Історичний словник укра?нського язика. Київ; Харків, 1930. Т. 1.
27. Гістарычны ўслонік белорускай мовы. Мінск, 1982. Вып. 1.
28. *Толстой Н.И.* Взаимоотношение локальных типов древнеславянского языка позднего периода (вторая половина XVI–XVII вв.) // Славянское языкознание. М., 1963.
29. *Мозер М.* Что такое "простая мова"? // Studia Slavica Hungauica. 47/3–4. Budapest, 2002.
30. *Мякишев В.* "Русская мова" Литовского Статута 1588 года и виленских актовых книг XVI века // Studia Russica. XVII. Budapest, 1999.
31. *Miakiszew W.* "Мовы" Великого княжества Литовского в единстве своих противоположностей // Studia Russica. XVIIß. Budapest, 2000.
32. *Свежинский В.М.* К вопросу об источниках белорусской исторической диалектологии // Лингвистическая география и проблемы истории языка. Нальчик, 1981. Ч. II.
33. *Антонович А.К.* Белорусские тексты, писанные арабским письмом. Вильнюс, 1968.
34. *Falowski A.* Język ruskiego przekladu Katechizmu Jezuickiego z 1585 roku. Kraków, 2003.
35. *Каманин И.М.* Палеографическій изборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV–XVIII вв. Киев, 1889.
36. *Мойсієнко В.М.* Українська пам'ятка з виразними ознаками живого мовлення // Волинь-Житомирщина. 2003. № 11.

37. *Клімаў І.П.* Мова перакладу Евангелля В. Цяпінскім. Аўтарэферат… канд. филол. наук. Мінск, 1997.
38. *Smułkowa E.* O polsko-bialoruskic związkac językowyc w aspekcie czasowym i terytorialnym // *Smułkowa E.* Bialorus i pogranicza. Warszawa, 2002.
39. *Kurzowa Z.* Język polski Wileńszczyzny i kresów pólnocno-wschodnich XVI–XX w. Warszawa; Kraków, 1993.
40. *Czyżewski F., Warchol S.* Polskie i ukraińskie teksty gwarowe ze wschdniej Lubelszczyzny. Lublin, 1998.
41. *Turska H.* Leksykalne pożyczki bialoruskie w języku polskim (doba staropolska) // Sprawozdania z prac naukowych Wydzielu Nauk Spolecznych. Warszawa, 1970. Z. 2.
42. *Стрижак О.С.* Велике Полісся // Ономастика Полісся. Київ, 1999.
43. *Мороз М.А.; Чаквин И.В.* Полесье как историко-этнографическая область, ее локализация и границы // Полесье. Материальная культура. Киев, 1988.
44. *Киркор А.К.* Долина Припяти // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб., М., 1882. Т. 3. Ч. 2. Белорусское Полесье.
45. *Толстой Н.И.* О лингвистическом изучении Полесья // Полесье (лингвистика, археология, топонимика). М., 1968.
46. *Кухаренко Ю.В.* Полесье и его место в процессе этногенеза славян. (По материалам археологических исследований // Полесье (лингвистика, археология, топонимика). М., 1968.
47. *Михальчук К.П.* Карта южнорусскихъ наречій и говоровъ // Атлас української мови. Київ, 2001. Т. 3. Карта V; *Ганцов Вс.* Діялектологічна класифікація українських говорів. Київ, 1923; *Зілинський І.* Карта українських говорів (1933) // Атлас української мови. Київ, 2001. Т. 3. Карта VII; *Дурново Н.Н., Ушаков Н.Н., Соколов Н.Н.* Діалектологическая карта русскаго языка въ Европэ (1914) // Атлас української мови. Київ, 2001. Т. 3. Карта VIII.
48. *Бирнбаум Х.* Славянская прародина: новые гипотезы // Вопросы языкознания. 1988. № 5; *Гимбутас М.* Славяне. Сыны Перуна. М., 2003; *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972; *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
49. Атлас української мови. Київ, 1984. Т. 1. Карты 48, 49, 52, 53; 1988. Т. 2. Карты 42, 44, 45, 46; 2001. Т. 3. Ч. 3. Карты 4, 10.
50. *Климчук Ф.Д., Кривицкий А.А, Никончук Н.В.* Полесские говоры в составе белорусского и украинского языков // Полесье. Материальная культура. Киев, 1988.
51. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963. Карта 19; Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак. Мінск, 1969. Карты 23, 27.
52. *Булыка А.М.* Адлюстраванне фанетычных рыс беларускай мовы ў выданнях Ф. Скарыны // 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1968.
53. *Жовтобрюх М.А.* Староукраїнські грамоти як пам'ятки літературної мови // Мовознавство. 1976. № 4.